

— Мне кажется, что мы сейчас переживаем странный период — Время Великого Обмана. Все перепутано. Вот говорят о небывалом притоке зрителя в театр, но в какой театр? Если говорить вообще — бум театра — наверное, да. По сравнению с тем, что еще три года назад в зале было больше пустых, нежели занятых мест, но это из-за поголовного увлечения зрителей политикой. Сейчас это уже мало кого волнует и народ снова потянулся в театр. Но, повторю, в какой театр? Театры ведь разные: есть, например, коммерческо-философский театр, это когда, скажем, Достоевского ставят в приемах эффектного Бульвара. Есть театр чисто развлекательный, призванный из всех сил веселить публику. А есть и серьезный театр, в него приходят люди, которые хотят посмотреть что-то значительное. Как правило, в нем мало народа, маленький зал, но крупные художественные задачи. Это элитарный театр. Так в какой же театр сегодня ломится публика? Я думаю, по большей части туда, где ее развлекают.

Сегодня молодому режиссеру, только начинающему свою деятельность, очень трудно работать. Первое, что ему заявляют в театре: а какой успех у публики будет иметь ваш спектакль? Что должен думать молодой режиссер о своей жизни в искусстве, если прежде всего он обязан вычислить, чем заинтересовывать ему публику?

Да и публика сегодня очень неоднородна. Это, по большей части, не прежние наши театралы, разбирающиеся в современных и классических искусствах, знающие в лицо актеров и режиссеров. Народилась новая генерация зрителей из категории “новых русских”, для которых стало престижно ходить в некоторые театры. В Ленком, например, на две премьеры. Но они вообще не разбираются ни в театре, ни в живописи, ни в музыке, ни в кино. Вот я и думаю, а зачем им это? Оказывается, затем, что очень модно. Что можно сказать: мы там были, потусовались, отметились. Впрочем, Ленком это вообще отдельный театр — он абсолютный выразитель времени. В наше сумасшедшее, перепутанное время он наиболее последовательно и внятно осуществляет буржуазный стиль, эдакую российскую грандиозную буржуазность. Я не ругаюсь, у каждого своя дорога. Но я думаю, что и эта мода пройдет. Именно поэтому мне кажется, что необходимо сохранить театр серьезный, он должен выстоять и выжить. А пока деловые люди в серьезный театр не ходят. Тут ничего не поделаешь — время такое. А “Время не подлежит обсуждению”, как говорил Наум Коржавин.

— Но все-таки, давайте попробуем, если не обсудить, то хотя бы порассуждать. В театре Вахтангова полтора года идет “Пиковая дама”, но достать билет на спектакль невозможно. И рвутся туда не только настоящие театралы, но и “новые русские”, притом что постановка отнюдь не развлекательна.

— Это как раз пример того, что серьезный театр способен выстоять. Плюс имя Петра Фоменко, кроме того, раскрученность, мы этому тоже учимся. Но главное, это интерес к творчеству Фоменко. Есть пять-шесть режиссеров, фамилии которых известны и на них идет публика. Но это тоже не вечно. Вот, скажем, мода на Виктюка уже прошла. Правда, когда он поставил спектакль с А.Фрейндлих, зритель ломился в театр, но я вижу, какая это публика. Какая публика идет на спектакли Л.Трушкина, как она одета. Это обязательно платье от известного кутюрье, от Версаче, не всегда самое дорогое и хорошее, но непременно освященное его именем. По этим же причинам идут и на Виктюка — не потому, что это самое лучшее и ценное, а потому, что Виктюк. Хотя сегодня, с моей точки зрения, он в серьезном кризисе. Он очень одаренный режиссер и мне жалко, что он как бы бежит на одном месте.

Наш новый зритель сейчас немножко играет в духовность, в любовь к культуре, не пытаясь в ней разобраться, не понимая, что в духовность нельзя играть. Надо эту духовность либо иметь, либо к ней стремиться. Недавно я разговаривал с президентом одного из крупнейших банков России. Можно сказать, одним из хозяев нашей страны. Я спросил у этого 35-летнего человека, давно ли он был в театре, и он мне с гордостью зашавшегося алкоголика ответил — 12 лет не был. Мне стало страшно, я понял, что нам не о чем говорить. Я делаю вид, что понимаю его шутки, на самом деле я их никогда не пойму, потому что ничего, кроме внутренней злобы, обиды, чувства оскорбления от этого молодого, уверенного, абсолютно цинично-

Валерий ФОКИН: “Режиссура” - бег на длинную дистанцию

После громкого успеха спектакля “Нумер в гостинице города NN” на Международном театральном фестивале в Авиньоне имя Валерия Фокина произносилось его собратями по профессии с безусловным уважением и интересом, что, впрочем, нисколько не удивило нас, его соотечественников. По возвращении Фокина из Авиньона я попросила его поговорить не о фестивале (успех спектакля там был предсказуем и закономерен), а о сегодняшней жизни театра в России. О режиссерской смене, новом зрителе и старых театральных традициях. Вобщем о жизни искусства, которая так сильно нас беспокоит.

го, богатого человека я из нашей беседы не вынес. Вот это страшно.

А то, что возник коммерческий театр, развлекательный, буржуазный – Бог с ним. Но все-таки обязательно должен быть российский художественный театр, который всегда и везде занимал первые места. Чехов, Достоевский, Толстой, Островский – вот авторы, которые составляют гордость российской театральной культуры, и произведения которых должны обязательно сохраниться на нашей сцене. Это волнует меня прежде всего.

– Сегодня существует чудовищный перекося в сторону коммерческого театра. Победным маршем шествует Л.Трушкин, на его спектакли продаются невероятно дорогие билеты, которые мгновенно раскупаются. Б.Мильграм ставит “Овечку” или “Персидскую сирень”, на них тоже трудно попасть, вокруг них создается непременный ажиотаж. А.Житинкин заполнил своими постановками почти все сцены московских театров. Хотя, мне кажется, в его спектаклях превалирует большое сознание. Такого рода искусства становится все больше и больше, а серьезного театра все меньше.

– Я не считаю, что мы имеем дело с выражением большого сознания. Я убежден, что это спекулятивное сознание. Оно играет в болезнь, оно ею является. Когда мы смотрим фильмы Бергмана, то можем обнаружить в них немало болезненных проявлений, однако нам дана возможность понять их, а значит изжить с помощью их создателя. У Житинкина – иначе. Он декларирует психические отклонения как норму жизни и убеждает зрителя в том, что так и должно быть. Житинкина мне жалко – он начинал в театре Ермоловой, когда я был там главным. Житинкин – способный человек и он – режиссер. А быть режиссером – это дар и им обладает далеко не каждый, пробуящий себя в профессии человек. У него были интересные спектакли: “Снег недалеко от тюрьмы” Н.Климановича или не очень мне нравящийся

“Калигула” с Александром Балуевым и покойным Всеволодом Якимом. У него были задатки настоящего режиссера, но как быстро он все растерял и стал повторением Виктюка, только менее искренним. Он все время участвует в тусовках, везде бывает и ставит спектакли за две недели. Все равно где и все равно что.

– Нет, не все равно что. Это обязательно должно быть громкое, желательное скандальное имя.

– Ну, конечно, он ориентируется на те самые слагаемые коммерческого успеха, о которых мы говорили. Стремление к победе над публикой любой ценой. То же самое и у Мильграма. Также способного режиссера. Помнишь, его “Случай в зоопарке”? Но тогда он шел по другой дорожке. Обидно, что критика дезориентирует зрителя. Я помню, как три года назад газеты писали о Житинкине чуть ли не как о гении, о реформаторе, и все за ту пьесу, где герои изъясняются исключительно матом.

– Ну, почему же все. Многие эту “Игру в жмурки” вполне доказательно критиковали.

– Конечно, кто-то обругал, но многие похвалили, а если человек не очень крепкий, то у него ведь может и крыша поехать. А сейчас его все бросили и только ленивый не пинает. Но он не понимает в чем дело – у него зрительский успех, а критики ругают. И начинаются комплексы. Я думаю, что молодых режиссеров надо оберегать, чтобы они не свернули не в ту сторону. А сделать это просто, погнавшись за легким успехом и сиюминутной выгодой. Между прочим, это тоже одна из примет нашего времени. Раньше, в период идеологической цензуры внутренний голос нам шептал: “Не расслабляйся, следят, а я вот возьму и сделаю”. Сейчас же те, кто следил, отворачиваются: “Да пошел ты, что хочешь, то и делай”. Но это не значит, что ты не должен себя спрашивать, что ты делаешь и для чего? Если ты на эти вопросы не отвечаешь, если ими не болеешь, а быстро что-то лепишь, то в результате

получается нечто торопливое, эффектное, но невнятное. Судя по всему и Мильграма это устраивает, но чем они, черт возьми, так довольны? Быстрым успехом у нетребовательной публики?

Впрочем, такой успех – одно из достижений сегодняшнего антрепризного театра. Но я уверен, что самое главное для нас сегодня – сохранить репертуарный театр. Нужно его, как говорил А.Вампилов, “держать руками и ногами”. Я тоже делал спектакль “Последняя ночь последнего царя” в антрепризе, но в то же время всю жизнь работал в нормальных репертуарных театрах. И очень много ставил за границей – в больших государственных театрах и в маленьких, и я точно могу сказать, что нужна золотая середина. Нельзя допускать перекося ни в ту, ни в другую сторону. А для России репертуарный театр – первый, главный театр. Другое дело, что у нас театральные семьи очень большие и Дом становится уже не домом, а пансионом. Но традиции театра-дома, его тепло, атмосферу обязательно нужно оберегать и сохранять. Поэтому разговор о том, что вот мы сейчас быстренько соберемся, что-то репетируем, деньги заработаем – наивный и глупый. Понятно, что артисты сегодня живут бедно и деньги очень нужны, но это плохой путь.

Уверен, что должны быть самые разные театры. Представь себе книжную полку: на одной – Чехов, Достоевский, Набоков, Толстой, а вон в той стороне детективы, фантастика, любовные романы. Все имеет право на жизнь, только не надо путать. А у нас сейчас все смешалось, нарушены приоритеты. Поэтому, когда талантливые люди, такие, как Мильграм, Житинкин, Роман Козак теряют ориентиры, это обидно.

– Мне кажется, что сегодня из профессии режиссера что-то уходит, и остается рукоделие, сценический фокус, неокультуренный идеей.

– Думаю, что режиссер в идеале совмещает в себе все слагаемые профессии. С одной стороны, это профессионализм, ремесло, в высоком смысле. Можно назвать 10-12 составляющих, которые необходимы, чтобы в эту профессию войти, а с другой стороны, за этими цифрами должна стоять жизнь. Ты обязан ее проживать. Важен твой личный опыт, твое мироощущение. Это как владение языком. Когда ты научишься хорошо произносить отдельные слова, ты можешь складывать фразы. Чем богаче твой словарь, тем красивее твои выражения. Но ведь ты говоришь что-то важное, чем-то хочешь поделиться. Если этого нет, то зачем ты говоришь? Я поставил около 55 спектаклей, но заставь меня сегодня за 2 недели смастерить постановку, я просто умру от страха. Я не возьмусь за считанные дни осуществить то, чем полон, – понимаю, как это трудно сделать. А Житинкин может, и не боится. Вот мне говорят: он умеет. Как умеет? А я не умею. Я понимаю, что режиссура – это выражение тебя, выявление того, что ты любишь и ненавидишь в этой жизни, за что ты болеешь. Это твой внутренний язык, поэтому невозможно оставаться на уровне рукоделия – сегодня вышью Тенниси Уильямса, а завтра Гоголя. Не получается так, и не должно так быть.

Мейерхольд был абсолютный гений, и когда он начинал, то тоже мог необязательно быстро работать, а когда стал Мастером, и его молодые режиссеры спросили, сколько времени надо ставить спектакль, он гениально ответил: “Спектакль надо ставить год, – потом помолчал и добавил, – но уметь надо поставить за две недели”. А сейчас все ставят за две недели, без жвизвания, без проживания, без того, чем всегда был силен русский театр. Тогда в традиции были долгие репетиции, было время для обдумывания, для шлифовки. Женщина ведь тоже не может за 4 месяца родить полноценного ребенка. Есть закон природы и законы творчества. Это ко всем нам имеет отношение, и к тебе, критику, тоже. А режиссура вообще бег на длинную дистанцию. Это длинный маршрут и поэтому ты должен бежать, бежать и обязательно стремиться к цели. Неважно, первым ты до нее добежишь или вторым, но ты обязательно должен видеть цель, которую ты хочешь достигнуть.

– А как проверить, в ту ли ты сторону бежишь?

– Думаю, ты должен сам давать себе оценку, по возможности трезвую и самокритичную. Честно говоря, я не очень полагаюсь на критику, у меня к ней выработалось определенное отношение. Я не схожу с ума и не режу вены, когда меня ругают, но и не захлебываюсь от счастья, когда хвалят. Стараюсь сохранить к высказываниям твоих собратьев сдержанно-устойчивое отношение. Конечно, неприятно, когда тебя ругают, и если ты не сумасшедший, ты обижаешься. Но понимаешь, что тебя обсуждают потому, что у тебя публичная профессия. Но тайть злобу на критику глупо, главное в его отрицании почувствовать, что к тебе относятся уважительно и ради тебя тебя ругают. А вот чтобы критика мне помогла, такое было всего не-

сколько раз. Однажды это была статья покойного Саши Демидова, которую я прочел, и вдруг понял, что мне нужно сделать в спектакле. Еще статья Инны Соловьевой, которая мне помогла разобраться с самим собой. А чаще всего очень много несправедливого, мотивного, а потому бесполезного. Но еще хуже, когда начинают безудержно хвалить, и тогда у человека пропадает самоконтроль.

– Человеку думающему, сильному, это только приятно, не более того. Он не самообольщается.

– Ну, как тебе сказать. К примеру, на фестивале в Авиньоне у всех российских спектаклей, в том числе и моего, был очень большой успех и необычайно лестная пресса. Я к этому, в общем-то, спокойно отношусь, но вдруг почувствовал, что люди, которых я знаю много лет, – иностранные продюсеры или директора международных фестивалей стали со мной иначе разговаривать. У нас сложились давнишние рабочие и дружеские отношения, но вдруг они стали на меня по-другому смотреть, как будто я получил пропуск в какой-то верхний эшелон европейского театра. Они стали ко мне относиться так, словно я сдал некий важный экзамен, хотя, мне кажется, что я уже давно прошел эти конкурсы. Вроде как получил знак качества, но это очень опасно. К счастью, у меня такой характер, что, несмотря на внешнюю сдержанность и независимость, я внутри страшный самолюб. Сразу же начинаю себя хватать за руки и спрашивать: “Стоп, а что собственно произошло? Что такое Авиньон? Конечно, лестно – сразу масса предложений и среди них даже предложение поставить спектакль специально к следующему фестивалю. Ну, а если бы его не было? Если бы я сюда не приехал, то что бы изменилось во мне?” Ну, мне хотя бы с моим японским характером повезло, а то ведь можно и улететь от счастья и летать в высях и думать о собственной гениальности. Мы что, не знаем таких примеров?

– Вот вы говорите – Дух Дома надо беречь и лелеять. А как это сделать?

– Когда я говорю про дух, то думаю, что он должен быть незастывшим, а теплым и живым. И все в Доме зависит от Хозяина. А хозяин это не тот, кто стучит по столу кулаком, а тот, кто объединяет всех людей. Мне недавно рассказали, как очень известный польский режиссер Кристиан Люпа со своим театром поехал на гастроли в Италию. Они просто сели в автобус и поехали. Ехали два дня из Польши в Италию. И я подумал, черт возьми, у нас ведь это невозможно. Чтобы я посадил в автобус наш гоголевский спектакль и повез его в Эстонию, или даже в Финляндию. А где самолеты, где отели? А поляки со своим замечательным спектаклем и одним из лучших режиссеров Европы едут и радуются. Я вот про такой дух говорю.

Но вообще-то надо жить и работать в тех условиях, которые у нас есть. Конечно, наше время довольно страшное, но есть в нем и много хорошего. И я его не променяю на прежнее. Тогда была идеологическая цензура, сегодня – экономическая, но наше сегодняшнее время честнее. По крайней мере ты имеешь возможность не лгать себе и определить – можешь ты работать как профессионал или не можешь. Раньше легче было себя обманывать и говорить: “А мне не разрешают, а мне не дают. Вот, я бы поставил Кафку, но кто мне даст поставить Кафку”. И довольно много людей этим самообманом занимались. Теперь не получается. Уже за одно это надо любить и уважать наше время. И радоваться, что оно пришло.

Правда, очень много халтурщиков появилось. Они все торопятся, все стараются сделать побольше и побыстрее, а надо останавливаться, надо выбирать, надо думать и держать себя за руки. Мои предки по японской линии говорили, что жизнь – путешествие с тяжелой поклажей, поэтому надо ехать медленно.

– Страшно, наверное, схватил себя за руку, отказался от чего-то, что приносит быструю выгоду. Рядом ведь всегда есть кто-то более покладистый.

– Конечно, страшно, очень страшно, но другого пути нет. Читайте повесть Гоголя “Портрет”, там все описано, весь путь господина Черткова. Другого не дано.

Нужно воспитывать в себе достоинство. Нельзя хвататься за все подряд. Обязательно должен быть внутренний цензор и не надо торопиться. Может же себе позволить Ю.Норштейн не спешить и снимать “Шинель” столько, сколько это необходимо. Мне такая вдумчивость и несуетность гораздо ближе и дороже, чем суетливые победы сегодняшних победителей экрана и сцены.

Беседовала Ирина АМИТОН